

В. А. Кучкин

СОТСКИЕ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ XV – НАЧАЛА XVI ВЕКА

Жалованные грамоты великих и удельных русских князей и княгинь XV – начала XVI в. являются самыми многочисленными источниками, в которых упоминаются сотские – один из тех институтов средневековой Руси, который многим исследователям кажется хорошо известным, но на самом деле до сих пор изучен явно недостаточно, поскольку характеризуется на основании отдельных свидетельств или некоторого числа фактов, а не на основании системного анализа всех существующих его упоминаний в нарративном и документальном материале X – начала XVI столетий. Упоминания сотских в жалованных грамотах позволяют осветить некоторые стороны их деятельности, которые в других источниках или раскрываются слабо, или вообще не отражаются, хотя трафаретность формуляров жалованных грамот и является плохо преодолеваемым препятствием при стремлении полно и разносторонне представить деятельность этих лиц.

67 княжеских жалованных грамот, в которых вместе с сотскими упоминаются десятские, были проанализированы автором этих строк в работе, посвященной десятским средневековой Руси¹. Но помимо указанных 67 грамот существует еще 69 жалованных грамот, в которых сотские названы, а десятские нет. Рассмотрение таких грамот и является главным содержанием данной статьи. Анализ упоминаний сотских в других источниках (данных, договорных, докладных, духовных, купчих, льготных, меновных, отводных, правых, разъезжих, указных и уставных грамотах, судебных списках, памятниках законодательства и памятниках летописания) будет предпринят в дальнейших исследованиях.

Из 69 жалованных грамот, называющих сотских без десятских, 30 грамот сохранилось в подлиннике², 1 грамота сохранилась в копии второй половины XV в.³, 1 грамота – в копии конца XV в.⁴, 7 грамот – в копиях XVI в.⁵, 1 грамота – в копии 1529 г.⁶, 5 грамот – в копиях 30-х г. XVI в.⁷, 2 грамоты – в копиях середины XVI в.⁸, 2 грамоты – в копиях 80-х г.

¹ Кучкин В. А. Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь. Вып. IV. М., 2004. С. 174–190.

² АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 29, 101, 115, 133, 139, 191, 192, 219, 221, 224, 243, 246, 247, 280, 325, 399, 400, 534, 652; Т. II. М., 1958. № 98, 169, 180, 192, 345, 351, 359, 363, 373, 382; Маштафаров А. В. Кашинский Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII века // Русский дипломатарий (далее – РД). Вып. 3. М., 1998. С. 49. № 1.

³ АСЭИ. Т. II. № 386.

⁴ АСЭИ. Т. I. № 321.

⁵ АСЭИ. Т. II. № 103; Т. III. М., 1964. № 180; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее – АФЗ и Х). Ч. I. М., 1951. № 96, 145, 151, 171, 172.

⁶ АСЭИ. Т. II. № 489.

⁷ Капитанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. Грамоты конца XIV – начала XVI в. № 14, 18, 19, 20, 29.

⁸ АСЭИ. Т. I. № 105, 254.

XVII в.⁹, 3 грамоты — в копиях конца XVI в.¹⁰, 2 грамоты — в копиях XVII в.¹¹, 6 грамот — в копиях 1641 г.¹², 2 грамоты — в копиях 1672 г.¹³, 1 грамота — в копии 90-х г. XVII в.¹⁴, 1 грамота — в копии конца XVII — начала XVIII в.¹⁵, 3 грамоты — в копиях XVIII в.¹⁶, наконец, 2 грамоты дошли до нашего времени в публикациях XIX в.¹⁷ Многие грамоты, сохранившиеся в подлинниках, копировались в XVI—XVII в. Сравнение оригиналов со списками показывает, что копиисты в основном верно воспроизводили оригинальный текст и если допускали ошибки, то не такого рода, что могли бы существенно повлиять на интерпретацию источников¹⁸. Из этого следует, что имеющиеся только поздние копии жалованных грамот, упоминающих сотских, достаточно репрезентативны и могут быть использованы для характеристики института сотских.

Самая ранняя из всей группы в 69 грамот — жалованная оброчная, тарханно-обельная и несудимая грамота угличского и радонежского князя Андрея Владимировича игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на село Удинское (более известное по своему позднему названию — Прилуцкое) с деревнями в Прилуке в Угличе. Грамота даты не имеет, но указано, что она была написана «коли князь великий княжну отдал во Царь, на ту зиму на вербницу»¹⁹. «Царь» — недописанное слово «Царьград». Из русских и византийских источников известно, что московский великий князь Василий Дмитриевич выдал свою дочь княжну Анну за Иоанна, сына византийского императора Мануила II Палеолога. Русские летописи относят это событие к 1411 г.²⁰ На этом основании грамота Андрея Владимировича датирована издателями первого тома «Актів социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» 1411 годом²¹. Однако самые различные и независимые друг от друга византийские источники свидетельствуют о том, что приезд совсем еще юной, почти девочки, Анны в Константинополь имел место не в 1411, а в 1414 году²². Последняя дата должна быть признана достоверной и правильной. Вербное воскресенье («вербница») в 1414 г. приходилось на 1 апреля²³. Отсюда и дата рассматриваемой грамоты — 1 апреля 1414 г.

Самая поздняя из анализируемых грамот — жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Синково, Бунятино, Ведерниче, Мисиново, Маринкино, Кончинино, Озерецкое, Жолтиково, Аврамовское, Бебяково с деревнями в Каменском стане и волости Инобаже в Дмитрове — датируется 25 апреля 1504 г.²⁴ Время написания остальных 67 грамот по десятилетиям XV в. распределяется следующим образом: 20-е г. XV в. — 2 грамоты; 30-е г. — 5 грамот; 30—40-е г. — 3; 40-е г. — 16; 50-е г. — 14; 60-е г. — 18; 70-е г. — 5; 80-е г. — 3 и 90-е г. XV в. — 1 грамота. Сравнение с жалованными грамотами, упоминающими десятских, показывает,

⁹ Там же. № 44; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 12.

¹⁰ АСЭИ. Т. I. № 49, 309, 310.

¹¹ АСЭИ. Т. III. № 101, 179.

¹² АСЭИ. Т. I. № 128, 157, 195, 236, 291, 305.

¹³ *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV—XVI века из архива московского Чудова монастыря // РД. Вып. 2. М., 1997. С. 12, № 3. С. 13, № 5.

¹⁴ *Назаров В. Д.* Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 18, № 7.

¹⁵ АСЭИ. Т. III. № 142.

¹⁶ Там же. № 71, 96, 97.

¹⁷ Там же. № 253, 291а.

¹⁸ См., например: *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 424, № 52; С. 427, № 56; С. 428, № 58. Более или менее существенные разночтения редки: Там же. С. 424—425, № 53.

¹⁹ АСЭИ. Т. I. № 29. С. 41.

²⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 533; Т. IV. Часть I. Вып. 2. Л., 1925. С. 411; Т. XVIII. СПб. 1913. С. 160.

²¹ АСЭИ. Т. I. № 29. С. 42.

²² *Кучкин В. А.* О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 413.

²³ *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М. 1944. Табл. XVI. Пасха в 1414 г. отмечалась 8 апреля.

²⁴ АСЭИ. Т. I. № 652.

что такие грамоты гораздо чаще выдавались в 60–80-е г. XV в. (59 грамот из 78)²⁵, тогда как грамоты с упоминанием сотских (без десятских) чаще выдавались в 40–60-е г. XV столетия (48 из 69). Такая разница может объясняться тем, что или имела место смена писцов, ставших более точно указывать лиц, которые могли бы нарушить иммунитет грамотчика (это могли сделать не только сотские, но и десятские), или с восшествием на великокняжеский стол Ивана III начались определенные изменения в организации княжеского хозяйства. Поскольку статистика грамот, упоминающих дворских – лиц, явно причастных к княжескому хозяйству, указывает на 60–80-е г. XV в. как на время наиболее интенсивной выдачи таких грамот²⁶, второе объяснение представляется более вероятным.

Из 69 грамот подавляющее большинство, 65 грамот, содержат обельное постановление, где и называются сотские. Эти 65 грамот и необходимо проанализировать в первую очередь. Остальные 4 грамоты, в которых обельная статья отсутствует, будут рассмотрены в заключительной части работы.

Ознакомление с названными 65 грамотами обнаруживает, что в них для обозначения сотских употребляются два синонимичных термина: собственно сотский (сотские) и сотник. Как показано было в работе «К генеалогии сотских Северо-Восточной Руси XV – начала XVI вв.», оба термина применяются в актах XV в. для обозначения одной и той же должности одного и того же человека²⁷, т. е. понятия эти тождественны. В исследуемых грамотах термин сотник встречается гораздо реже, чем термин сотский. Это дает некоторое формальное основание рассмотреть сначала грамоты, содержащие термин сотник. Он есть в самой ранней жалованной грамоте от 1 апреля 1414 г. князя Андрея Владимировича: «ни к дворьскому, ни к сотнику не надобѣ имъ тянути ни во что»²⁸; в жалованной тарханно-обельной, несудимой и на конское пятно грамоте, выданной между 1432–1445 г. великим князем Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на 4 варницы, двор у Соли Переяславской, деревню на горе Хупане и на починок: «ни къ дворьскому, [ни к сотнику не надобѣ имъ тянути] никоторыми пошлинами»²⁹; в выданной между 25 апреля и 28 сентября 1433 г. жалованной тарханно-обельной, оброчной и несудимой грамоте великого князя Юрия Дмитриевича архимандриту московского Чудова монастыря Феофану на села Лужское, Павловское и Манаково с деревнями в Сурожице (Сурожики) в Москве: «ни к сотнику не надобе имъ потянуть ни во что же никоторою пошлиною, а ведают свое люди сами, ни корму к Луценскому не дают»³⁰; в жалованной тарханно-обельной, оброчной, несудимой и на конское пятно грамоте, выданной между 1434–1447 г. угличским и галичским князем Дмитрием Юрьевичем игумену (без имени) Троице-Сергиева монастыря на села Удинское (Прилуцкое) и Воздвиженское с деревнями в Кинеле, село Перетержское с деревнями в Кое, деревни Богоявленское, Баскача, Шульгинская и две пустоши Репоховские в Городском стане Переяславля Залесского: «ни къ дворьскому, ни къ сотнику не надобѣ имъ тянути ни во что»³¹; в жалованной тарханно-обельной, оброчной и несудимой грамоте, данной между 1447–1462 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту (без имени) московского Чудова монастыря на села Лужки и Павловское с деревнями в Сурожики

²⁵ Кучкин В. А. Десятские средневековой Руси. С. 189.

²⁶ Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV – начала XVI веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (7). 2002. С. 106.

²⁷ Кучкин В. А. К генеалогии сотских Северо-Восточной Руси XV – начала XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 114.

²⁸ АСЭИ. Т. I. № 29. С. 40.

²⁹ Там же. № 101. С. 81.

³⁰ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. С. 12. № 3.

³¹ АСЭИ. Т. I. № 115. С. 92.

в Москве: «ни иная никоторая моя им пошлина не надобе, ни к дворскому, ни к сотнику...»³²; в выданной между 25 июня 1448 г. и 1451 г. великой княгиней Софьей Витовтовной жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на пустоши Сеземские в Масленской волости в Вологде: «ни к сотнику, ни к дворскому с волостными людьми съ масленьскими не т[яну]т ни в которой проторь»³³; в выданной 15 октября 1453 г. великой княгиней Марией Ярославной жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте игумену Богородицкого Благовещенского Киржачского монастыря Протасию на деревню Микулинскую Тутолмина в Маринине слободке в Переяславле Залесском: «ни к сотнику, ни к дворск[ому] не тянут с волостными людьми ни в которой проторь...»³⁴; в выданной 16 февраля 1454 г. великим князем Василием Васильевичем жалованной безданной тарханно-обельной и несудимой грамоте игумену (без имени) Троице-Сергиева монастыря на городской двор в г. Костроме: «ни к с[о]тнику, ни к дворскому не тянут ни в которые проторы»³⁵; в выданной 22 февраля 1467 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим жалованной тарханно-обельной, несудимой и безданной грамоте игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на двор в г. Вологде: «а к сотнику к вологодскому их люди с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»³⁶.

Обращает на себя внимание, что во всех 9 процитированных грамотах термин сотник употреблен только в единственном числе. В грамотах от 25 апреля — 28 сентября 1433 г. и от 22 февраля 1467 г. только сотник и фигурирует в обельном постановлении. В остальных 7 грамотах вместе с сотником назван и дворский, причем также в единственном числе. Грамота 1434—1462 г. восходит к грамоте от 1 апреля 1414 г. или имеет с ней общий источник, поскольку обельное постановление в этих грамотах идентично. Элемент обельного оборота «ни во что» (этот элемент можно обозначить как элемент а) этих грамот в грамоте 1432—1445 г. заменен на элемент «никоторыми пошлинами» (такой элемент обозначим как элемент б). Пошлина упомянута также в грамоте 1447—1462 г., но элемент о пошлине предшествует в ней элементу о дворском и сотнике. Оригинально построение обельного постановления в грамоте от 25 апреля — 28 сентября 1433 г., где среди обезличенных элементов встречается весьма редкое конкретное указание (так называемое *описание*) людям Чудова монастыря: «ни корму к Луценскому не дают». Речь идет об известном с XIV в. селе Луцинском (Лучинском), стоявшем при впадении в р. Истру Малой Истры, в 1389 г. отданном Дмитрием Донским вместе с Сурожиком своему второму сыну Юрию³⁷. Луцинское, видимо, было административным центром московской волости Сурожик.

В более поздних грамотах слово «пошлина» не фигурирует. Вместо него появляется слово «протор» («проторы»). Элемент «ни в которых протор» («ни в которые проторы») следует определить как элемент в. Такой элемент содержат грамоты от 25 июня 1448—1451 г., 15 октября 1453 г., 16 февраля 1454 г. Самая поздняя грамота от 22 февраля 1467 г. в обельном постановлении помимо проторов упоминает и розметы. Элемент «ни в розметы» обозначим как элемент г. В грамоте также содержится редкое конкретное определение сотника. Он назван вологодским. Речь идет о городском сотнике. Очевидно, владелец Вологды князь Андрей Васильевич Меньшой имел в Вологде одного сотника, в распоряжении которого находились тяглые городские люди. В обельном постановлении грамоты, датируемой 25 июня 1448—1451 г., упомянуты волостные люди масленские. В виду имеются жители расположенной близ г. Вологды Масленской

³² Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV—XVI века из архива московского Чудова монастыря. С. 13. № 5.

³³ АСЭИ. Т. II. № 98. С. 59.

³⁴ АСЭИ. Т. I. № 247. С. 176.

³⁵ Каптанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 14. С. 366.

³⁶ АСЭИ. Т. II. № 180. С. 113—114.

³⁷ ДДГ. № 12. С. 33; №14. С. 40.

волости. Судя по формулировке обельного постановления в этой жалованной грамоте, в определенных отношениях волостными людьми масленскими распоряжались дворский и сотник. Не исключено, что таким сотником мог быть вологодский городской сотник.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть рассматриваемых грамот (5 из 9) была выдана удельными князьями и княгинями. Лишь 4 грамоты даны от имени великих князей. Но Юрий Дмитриевич, занявший на короткое время московский великокняжеский стол, выдал в 1433 г. грамоту московскому Чудову монастырю на земли не в великом княжении, а в своем отчинном уделе — московской волости Сурожик. На почти те же земли в том же Сурожике выдал в 1447–1462 г. жалованную грамоту Чудову монастырю и великий князь Василий Васильевич. Следовательно, грамоты, в которых фигурирует сотник, выдавались главным образом на земли во владениях удельных князей. Поскольку владения последних по своим размерам явно уступали владениям великокняжеским, можно думать, что потому сотник и упоминался в единственном числе, а не во множественном, поскольку он один мог возглавить сравнительно небольшую организацию в том или ином уделе. С другой стороны, употребление в рассмотренных 9 грамотах самого термина сотник вместо сотский может свидетельствовать об определенных особенностях делопроизводства в удельнокняжеских канцеляриях, в раннее время (до начала 60-х г. XV в.) несколько отличавшегося от делопроизводства великокняжеской канцелярии, поскольку данный термин встречается преимущественно в наиболее старых по времени своего написания жалованных грамотах.

Упоминание в единственном числе уже не сотника, а сотского встречается в 22 грамотах. Они могут быть разделены на три группы, в зависимости от того, кто упоминается в этих грамотах вместе с сотскими и каков характер элементов, указывающих, от каких повинностей избавлялись люди грамотчика.

К первой группе может быть отнесена единственная грамота, где в обельном постановлении упоминается только сотский и употреблены элементы *в*, *г* и *б*. В датированной 22 октября 1455 г. жалованной льготной, тарханно-обельной, оброчной и несудимой грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на села Оксиньинское и Грибаново в Звенигородском уезде сотский фигурирует в следующем контексте: «ни к сотскому не тянути ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлыны»³⁸.

Вторую группу составляют жалованные грамоты, в которых сотский называется вместе с каким-нибудь другим лицом. Чаще всего таким лицом является дворский, упоминаемый, как и сотский, в единственном числе. Таких грамот насчитывается 14.

Самая ранняя грамота этой группы датируется сентябрем 1439 г. Это жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича, данная игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на село Сватковское с деревнями в Верхдубенском стане в Переяславле Залесском. Обельное постановление этой грамоты имеет следующий вид: «ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что, ни иные никоторые пошлыны»³⁹. Такое же обельное постановление содержится и в выданной 10 мая 1447 г. жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте серпуховско-боровского князя Василия Ярославича игумену Троице-Сергиева монастыря Досифею на двор в г. Дмитрове, села и деревни в волостях Вышгород, Инобаж и Воря в Дмитрове и в Москве: «ни к сотскому, ни к дорьскому (так в подлиннике. — В. К.) ни тянут ни во што, ни в которыи пошлыны»⁴⁰. Упоминания сотского и дворского в обеих грамотах дополнены элементами *а* и *б*.

³⁸ АФЭ и Х. Ч. I. № 96. С. 92.

³⁹ АСЭИ. Т. I. № 139. С. 107.

⁴⁰ Там же. № 191. С. 136.

Несколько изменены обельные элементы в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 г. великим князем Иваном Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на пустоши Подкосово, Мичково, Оглоблино, Шипулино в Березовце «вверхъ Костромского»: «ни к сотскому, ни къ дворьскому не тянут ни в чем никоторыми пошлинами, ни иная имъ никоторая пошлина не надобъ»⁴¹.

В трех грамотах упоминания сотского и дворского сопровождаются обельными элементами в, з и б. Это жалованная оброчная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича, данная им в 1448–1449 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на села Шухобалово и Микульское в Суздале: «ни къ дворскому, ни к сотскому не тянут ни в [которые] проторы, ни в розметы, ни иныи никоторыи им пошлыны не надобъ»⁴²; датированная 20 июля 1461 г. жалованная льготная, безданная, тарханно-обельная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на сельце Михайловское и деревню Пупки в Корзене в Москве: «ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иныи никоторыи им пошлыны не надобе»⁴³, и датированная 9 июля 1462 г. жалованная льготная, безданная, тарханно-обельная и несудимая грамота того же дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Михайловское, сельцо Пупки и деревню Лычевскую в Корзене в Москве: «ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иныи никоторыи пошлыны им не надобе»⁴⁴. В одной грамоте данное обельное постановление дополнено оборотом «ни закосных пошлин не дают». Это датированная 27 сентября 1450 г. жалованная тарханно-обельная и несудимая подтверждающая грамота великого князя Василия Васильевича Ивану Петелину на его село Скнятино с деревнями в Кинеле в Переяславле Залесском: «ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иныи им никоторыи пошлыны не надобе, ни закосных пошлин не дают»⁴⁵. Интересно отметить, что в более ранней жалованной грамоте, полученной в августе 1443 г. Иваном Петелиным от великого князя Василия Васильевича на то же самое село Скнятино с деревнями в Кинеле в Переяславле Залесском, сотский не упоминается, вместо него фигурирует становщик: «А дворьские и становщики кинельские в то село к его людем не всылают ни по что ни о котором деле, ни о розмете, ни о закосе»⁴⁶.

В двух грамотах элемент «ни в розметы» заменен на элемент «ни в ям». Так читается в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте великого князя Василия Васильевича, данной им между 1449 и 1450 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на села и деревни в Кинеле в Переяславле Залесском: «ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни в которы проторы, ни в ям, ни иныи им никоторы пошлыны не надобе»⁴⁷, и в повторяющей ее жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте великого князя Ивана Васильевича 1462–1466 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на села и деревни в той же Кинеле в Переяславле Залесском: «ни к сотцк[о]му, ни к дворскому не тянут ни в которыи проторы, ни в ям, ни иныи никоторыи им пошли[ны] не надобе»⁴⁸.

Еще в двух грамотах указывается категория населения, которая (по смыслу обельного постановления) должна подчиняться сотскому и дворскому, но люди иммунитета не должны были

⁴¹ Там же. № 321. С. 230.

⁴² Там же. № 221. С. 156.

⁴³ Там же. № 291. С. 207.

⁴⁴ Там же. № 305. С. 217.

⁴⁵ Там же. № 236. С. 166.

⁴⁶ Кашинов С. М. Очерки русской дипломатики. № 10. С. 362.

⁴⁷ Там же. № 12. С. 364.

⁴⁸ Там же. № 19. С. 377.

нести какие-либо повинности, распространяемые на эту категорию. Так, в выданной 18 октября 1448 г. великим князем Василием Васильевичем жалованной льготной, тарханно-обельной, несудимой и двусрочной грамоте игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на село Грунинское с 14 пустошами в волости Емстне в Костроме говорится: «ни к дворскому, ни к сотцкому не тянут с волостными людьми ни во что, ни иные некоторые им пошлины не надобет»⁴⁹. К элементам *a* и *b* здесь добавлены слова «не надобет». Но главное заключается в упоминании волостных людей. Выясняется, что сотский наряду с дворским действовал в границах определенной волости. В январской 1488 г. жалованной тарханно-обельной, несудимой, проезжей и с правом на конское пятно грамоте великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Илемну с деревнями Верейского уезда вместо волостных людей фигурируют черные люди: «къ дворскому и к сотцкому с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»⁵⁰. В обельном постановлении здесь использованы элементы *v* и *z*. Особый же интерес вызывает указание на черных людей. Казалось бы, сравнение с предшествующей грамотой говорит за то, что определения «волостные люди» и «черные люди», занимающие одинаковое положение в обельных оборотах, тождественны. Однако упоминания в обельных постановлениях некоторых грамот (о них речь пойдет далее) одновременно сотских, дворских и старост волостных показывает, что население волости состояло из лиц разных юридических категорий и черные люди составляли только часть волостного населения. Но отношение сотского именно к этой части волостного населения показательное.

Наконец, три грамоты в обельных постановлениях упоминают сотского не вместе с дворским, а вместе с дворецким. Это выданная между 1462 и 1466 г. жалованная льготная, безданная, тарханно-обельная, несудимая и заповедная (от незваных гостей) грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на все владения Троице-Сергиева монастыря в Радонеже: «ни к сотцкому, ни к дворетцкому не тянут, и ни в которые протори, ни в ям, ни в пятенное тем людям монастырским не надобе»⁵¹; выданная в те же 1462–1466 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и с правом конского пятна грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря (без имени) на села Семеновское и Сватковское с деревнями в Верхдубенском стане Переяславля Залесского: «ни к сотцкому, ни к дворетцкому не тянут ни во что; ни пятенщика моего не знают, а пятнят те люди и являют у монастырского приказщика; ни иные им некоторые пошлины не надобе»⁵²; выданная в те же 1462–1466 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и с правом конского пятна грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря (без имени) на села Семеновское и Сватковское с деревнями в Верхдубенском стане Переяславля Залесского: «ни к сотцкому, ни к дворетцкому не тянут ни во что; ни пятенщика моего не знают, а пятнят те люди и являют у монастырского приказщика; ни иные им некоторые пошлины не надобе»⁵³. Все три грамоты дошли в поздних списках. Первые две — в списках конца XVI в., причем в список второй грамоты были сделаны явно поздние и недостоверные вставки, третья грамота сохранилась в списке 90-х г. XVII в. Это обстоятельство и отсутствие в подлинниках жалованных грамот 60-х г. XV в. в обельных постановлениях указаний на дворецкого заставляло исследователей считать, что термин дворецкий фигурирует в рассматриваемых грамотах вместо термина дворский. Так молчаливо считали издатели обеих грамот 1462–1466 г., отметившие, что в копийной книге № 527 грамот Троице-Сергиева монастыря в списке грамоты на владения Троице-Сергиева

⁴⁹ Там же. № 219. С. 154.

⁵⁰ АСЭИ. Т. I. № 534. С. 410.

⁵¹ Там же. № 309. С. 220.

⁵² Там же. № 310. С. 221.

⁵³ Назаров В. Д. Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. С. 18. № 7. Примеч. 7.

монастыря в Радонеже в обельном постановлении читается «к дворскому», а в копийной книге № 523 в списке грамоты на земли Троице-Сергиева монастыря в переяславском Верхдубенском стане — соответственно «дворскому»⁵⁴. В. Д. Назаров чтение «дворскому» вообще поместил в основной текст грамоты, правда, указав в примечании, что реальное чтение списка — «дворѣцкому» — ошибочно. И. В. Самодуров также отметил, что упоминание дворецкого вместо дворских в трех рассматриваемых грамотах является опиской копиистов⁵⁵. С мнением исследователей следует согласиться, тем более, что обнаруживаются и другие аргументы в пользу их точки зрения. В частности, сохранилась рассмотренная выше жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю на село Сватковское от сентября 1439 г. Там вместе с сотским назван дворский, но не дворецкий⁵⁶. Можно думать, что такая ссылка не правомочна, дворецкий мог появиться в переяславском Верхдубенском стане после 1439 г., что и отразила грамота № 309 1462—1466 г. Однако сохранилась правая грамота 1495—1499 г., в которой истцом выступал поп Григорий, живший в Покровском монастыре⁵⁷. Этот монастырь располагался в селе Сватковском и был приписан к Троице-Сергиеву монастырю⁵⁸. Земли попа Григория, которые он обрабатывал и которые он отстаивал от попыток присвоения со стороны двух жителей переяславского Михайловского стана, на момент спора были расположены в Михайловском стане. Однако старожильцы помнили, что за 70 лет до спора землями владели покровские священники села Сватковского, а по грамоте 1439 г. сватковские земли относились к Верхдубенскому стану. Для нас важно то обстоятельство, что среди старожильцев конца XV в., давших показания в пользу попа Григория, был Михаил, дворский Михайловского стана⁵⁹. Следовательно, в данном районе еще в первой половине XV в. и до конца этого столетия действовали дворские, а не дворецкие. Указание на них в трех грамотах 60-х г. XV в., действительно, надо признать ошибкой позднейших копиистов. Речь должна идти о дворских, и три рассмотренные грамоты должны пополнить число тех жалованных грамот, в которых сотский упоминается вместе с дворским.

К третьей группе грамот могут быть отнесены жалованные грамоты, в обельном постановлении которых сотский называется вместе с двумя другими лицами. Такие обельные постановления обнаруживаются в 7 грамотах. Древнейшей грамотой этой группы и вообще всей выделенной части жалованных грамот (с упоминанием сотского в единственном числе) является датированная 2 июня 1425 г. жалованная несудимая и тарханно-обельная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на село Беклемишево с деревнями Вихорева и Назарьевская, пустошами Фаустовская, Воронинская, Бунково, Олферьево в Кинельском стане Переяславля Залесского, где в обельном постановлении сказано: «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянути ничем»⁶⁰. Здесь вместе с сотским и дворским назван еще и становщик. Независимость людей Троице-Сергиева монастыря от этих лиц выражена очень кратко. Такой элемент («ничем») можно определить как элемент a_1 . Становщики названы еще в двух грамотах: в выданной 1 марта 1436 г. жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на владения приписного к Троице-Сергиеву монастырю Богородицкого Успенского на Воинове горе монастыря деревню Тимошинскую, пустоши Олпачевскую и Васильевскую в Аргуновской волости в том же Переяславле Залесском: «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к

⁵⁴ АСЭИ. Т. I. № 309. С. 221. Примеч. 3; № 310. С. 222. Примеч. 4.

⁵⁵ Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (7). 2002. С. 102 и примеч. 44.

⁵⁶ АСЭИ. Т. I. № 139. С. 107.

⁵⁷ Там же. № 582. С. 460—461.

⁵⁸ Там же. № 548а. С. 426.

⁵⁹ Там же. № 582. С. 463.

⁶⁰ Там же. № 44. С. 49.

становщику не тянут ничем»⁶¹, и в датируемой 1462–1466 г. по сути дела подтвердительной жалованной тарханно-обельной, несудимой, заповедной и проезжей грамоте великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на владения того же Богородицкого Успенского монастыря на Воинове горе, его деревни Тимошинскую и Олпачевскую и пустошь Василисовскую (в предыдущей грамоте – Васильевскую) в Аргуновской волости в Переяславле Залесском: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в какие проторы, ни в розметы ничем»⁶². В грамоте от 1 марта 1436 г. упоминания сотского и двух других должностных лиц дополнены элементом a_1 («ничем» вместо элемента a «ни во что»), в грамоте 1462–1466 г. – элементами b , z и a_1 .

В двух грамотах сотский назван вместе с дворским и старостой волостным. Это датированная 27 октября 1438 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая и двусрочная грамота великой княгини Софьи Витовтовны игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на владения приписного к Троице-Сергиеву монастырю Богородицкого Благовещенского Киржачского монастыря на деревни Желдыбинская и Селиванкова гора, пустошь Ефремовскую и другие деревни и пустоши в Переяславле Залесском: «ни къ сотскому, ни къ [дворскому, ни к старосте волостному не] тянут ни во што, ни и[ные некоторые пошлины]»⁶³, и датированная 7 октября 1453 г. повторяющая грамоту великой княгини Софьи Витовтовны жалованная тарханно-обельная, несудимая и двусрочная грамота великой княгини Марии Ярославны игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на владения приписного к Троице-Сергиеву монастырю Богородицкого Благовещенского Киржачского монастыря на деревни Желдыбинская и Селиванкова гора, пустошь Ефремовскую и другие деревни и пустоши в Переяславле Залесском: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни к старостѣ волостному не тянут ни во што, ни иные некоторые пошлины»⁶⁴. Указания на должностных лиц дополнены в этих грамотах элементами a и b .

В одной грамоте сотский назван вместе с дворским и пятидесятником. Это выданная 25 марта 1451 г. великим князем Василием Васильевичем жалованная тарханно-обельная и льготная грамота архимандриту Симонова монастыря Геронтию об освобождении на 5 лет монастыря от рублевого оброка, дани и ямского обложения с двух варниц и села Борисовского с деревнями в Соли Галицкой: «такъже соцкои, ни дворьской, ни пятидесятникъ на тѣх христианѣх яму на них не емлют, ни мечют некоторых проторовъ, ни подвождь в ту пять лѣтъ»⁶⁵. Из этого обельного постановления, имеющего описательный характер, следует, что сотский и, видимо, подчиненный ему пятидесятник вместе с дворским занимались организацией великокняжеской ямской службы и связанных с ней дел (привлечение людей к исполнению ямской повинности, распределение различных расходов – проторов, поставление на ям подвод).

Нетрафаретный, описательный характер обельных постановлений чрезвычайно редок, но благодаря отсутствию шаблона в таких редких жалованных грамотах четче проявляется статус сотских. Так, датируемая 1432–1445 гг. жалованная обельная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на право покупки тяглового двора «служного или черного» («хто им продасть») в городе Переяславле Залесском указывала: «А не надобе им с того двора тянути ни слугами, ни с черными людьми, ни к рыболовом, ни к сотцкому, ни к дворскому не тянути некоторыми пошлинами»⁶⁶. Кроме двух должностных лиц здесь названы категории городского населения (переяславская Рыбная слобода находилась «в Переяславле

⁶¹ Там же. № 128. С. 99.

⁶² Капитанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 20 С. 379.

⁶³ АСЭИ. Т. I. № 133. С. 103.

⁶⁴ Там же. № 246. С. 174.

⁶⁵ АСЭИ. Т. II. № 351. С. 347.

⁶⁶ АСЭИ. Т. I. № 105. С. 84.

в городе на посаде»⁶⁷), к исполнению повинностей которых нельзя было привлекать насельников монастырского двора. К сожалению, лапидарность процитированного обельного постановления не позволяет однозначно решить, находились ли эти категории населения под управлением сотского и дворского или нет. Поскольку в грамоте названы слуги, явно несшие какую-то невоенную службу, а также великокняжеские рыболовы, есть известные основания полагать, что эти категории переяславского населения подчинялись дворскому⁶⁸. Но тогда черные люди должны были подчиняться сотскому. Такое заключение полностью подтверждается свидетельствами договорных грамот московских князей XIV—XV в., где указывалось: «А которые слуги потягли къ дворьскому, а черные люди к сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати»⁶⁹. Здесь прямо констатируется, что черные люди находятся под контролем сотского. Учитывая также свидетельство рассмотренной выше жалованной грамоты от января 1488 г. Ивана III игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Илемну, можно утверждать, что сотский имел отношение к черным людям как в городе, так и в сельской местности.

Наибольшую часть из 65 грамот, в обельных постановлениях которых фигурируют сотские, составляют 34 грамоты, где сотские упоминаются во множественном числе. Самая ранняя из этой части грамот — оформленная между 1425 и 1427 г. жалованная льготная и тарханно-обельная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на села Клевцовское и Грунинское с деревнями в волости Емстне и село Фоминское с деревнями в волости Сорахте в Костроме. В этой грамоте обельное постановление сформулировано следующим образом: «ни к дворским, ни к сотцким [не тянут]»⁷⁰. Одна из самых поздних грамот этой части — данная в мае 1486 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Ивана Ивановича (Молодого) своему боярину Афанасию Ивановичу Шетневу на его владения в Тверской земле — содержала близкое по характеру обельное постановление, включавшее один элемент с описанием: «дворским и сотцким Офонасьевыми людьми не наряжати»⁷¹. И. В. Самодуров, обративший внимание на это обельное постановление и привлекая еще и другие грамоты, содержавшие в обельном постановлении глагол «наряжати», справедливо считал, что речь должна идти об организации работ, но отнес эту функцию только к дворским⁷². Однако с равным правом эта функция может быть отнесена и к сотским. Также один элемент в обельном постановлении имеет датированная 21 апреля 1459 г. жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на сельца Коростелево и Наволок с деревнями и пустошами на Волге в Костроме: «ни къ сотским, ни къ дворьским не тянут ни в которые проторы на шесть лѣтъ»⁷³.

В других случаях упоминания сотских и дворских в обельных постановлениях сопровождаются двумя элементами, уже известными нам в и г. Таковы выданная 29 июня 1449 г. жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича Марии Копниной и ее сыну Федору на пустоши Глухово, Измалково, Свечино в Усольской волости («у Соли в пути») в Переяславле Залесском: «ни к дворским, ни к сотским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»⁷⁴, и датированная 10 марта 1455 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену

⁶⁷ АСЭИ. Т. III. № 25. С. 44.

⁶⁸ В начале XVI в. слободой управлял особый волостель столичныйего пути (Там же).

⁶⁹ ДДГ. С. 20, 38, 71, 131, 133, 137, 139, 171, 174, 181, 185.

⁷⁰ АСЭИ. Т. I. № 49. С. 53.

⁷¹ АСЭИ. Т. III. № 180. С. 196.

⁷² Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (7). 2002. С. 100—101.

⁷³ АСЭИ. Т. I. № 280. С. 201.

⁷⁴ Там же. № 224. С. 159.

Троице-Сергиева монастыря Вассиану на все владения Троице-Сергиева монастыря в Угличе: «ни к дворским, ни к соцским не надобе им тянуть ни в какие протори и в розметы»⁷⁵.

Те же элементы с добавлением слов «до их урочных лет» обнаруживаются в обельном постановлении жалованной несудимой, льготной и тарханно-обельной грамоты великого князя Василия Васильевича, выданной 9 октября 1461 г. князю Илариону (Ларе) Бунаку Михайлову сыну Хотетовскому на сельцо Литвиновское с деревнями на р. Вязьме в Красносельском стане и село Митково с деревнями и пустошами в Волоцком стане в Вязьме: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в которые проторы, ни в розмети до их урочных лет»⁷⁶.

Однако гораздо чаще жалованные грамоты с упоминанием сотских во множественном числе содержат обельные постановления, включающие не два, а три элемента, указывающие на проторы, розметы и пошлыны. Таковы данная 4 декабря 1447 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на село Нефедьевское с деревнями в Угличе: «ни кь сотским, ни кь дворским не надобе им тянути, ни в которы[е] проторы, ни в розметы, ни иные им никоторыи пошлыны не надобе»⁷⁷; выданная между 1447 и 1455 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на сельца Микульское и Мериново с деревнями и пустошами в Усольской волости в Переяславле Залесском: «ни к сотским, ни к дворским не надобе им тянути, ни в которые проторы, ни в розметы, ни иные которые пошлыны им не надобе»⁷⁸; датированная 4 марта 1448 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Дионисиева Глушицкого Покровского монастыря Амфилохию на восемь пустошей в Бохтюжской волости в Вологде: «ни к сотским, ни к дворским не надобе им тянуть ни в проторы, ни в розметы, ни в иные ни в которые пошлыны»⁷⁹; выданная между 9 марта 1448 г. и 1461 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на села Ильинское, Пьяницино, Афинеево, Поелово, Андреевское, Богоявленское, Федоровское и пустошь Кривдинское в Юрьеве Польском: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы и в розметы, ни иные никоторые пошлыны им не надобе»⁸⁰; датированная 9 марта 1453 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая, проезжая и трехсрочная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на деревни и пустоши в Локсомери, село Поповское с деревнями и пустошами в Рождественском стане в Ростове: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в иные ни в которые пошлыны»⁸¹; датированная 9 сентября 1459 г. жалованная льготная и тарханно-обельная грамота великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на село Всеславское во Владимире: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлыны им не надобе...»⁸²; выданная между 1460 и 1461 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича Алексею Краснослепу на пустошь Хоробровскую в Деминской волости в Суздале: «ни к соцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые им пошлыны не надобе»⁸³; выданная между 1462 и 1463 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая и проезжая

⁷⁵ Там же. № 254. С. 183.

⁷⁶ АСЭИ. Т. III. № 179. С. 195.

⁷⁷ АСЭИ. Т. I. № 192. С. 137.

⁷⁸ Там же. № 195. С. 140.

⁷⁹ АСЭИ. Т. III. № 253. С. 274.

⁸⁰ АФЗ и Х. Ч. I. № 145. С. 130.

⁸¹ АСЭИ. Т. I. № 243. С. 171.

⁸² АФЗ и Х. Ч. I. № 172. С. 158.

⁸³ АСЭИ. Т. III. № 101. С. 139.

грамота великого князя Ивана Васильевича архимандриту Симонова монастыря Афанасию на села Покровское, Кокоуревское в Заколпье Владимирского уезда, сельцо Никольское, деревни Валуевская и Загаиновская, другие деревни и пустоши во Владимирском уезде: «ни к сотцким, ни къ дворьским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные некоторые им пошлыны не надобѣ»⁸⁴; выданная между 1462 и 1472 г. жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Васильевича Дмитрию Васильевичу Бобру на его село Старое Ермолинское в волости Вышгороде в Дмитрове: «ни к соцким, ни к дворьским ни тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в ыние ни в которые пошлыны»⁸⁵; датированная 8 августа 1463 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича архимандриту Никольского Шартомского монастыря Иоанникию на пустошь в Матенской волости в Плесе, а также деревню Григория Ярлыкова в Дору, в Залесье и пустоши в Дору в Плесе: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы; ни иные некоторые пошлыны не надобе»⁸⁶; датированная 15 июня 1464 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича Семену Писарю на село Приданое в Коломне: «ни к сотским, не к дворским не тянут ни в какия проторы, ни в розметы, не иные наши некоторые пошлыны не надобна»⁸⁷; датированная 6 декабря 1471 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на пустоши в Сяме и покосы по р. Порозбице в Сяме и Заозерье в Вологодском уезде: «також ни к сотским, ни к дворьским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные имъ некоторые пошлыны не надобѣ»⁸⁸.

В обельных постановлениях некоторых жалованных грамот упоминания проторов, розметов и пошлин сопровождаются указаниями на другие повинности (что выражено другими элементами формуляра), от которых освобождаются люди иммунитета. Так, в выданной 27 ноября 1452 г. великим князем Василием Васильевичем жалованной тарханно-обельной, несудимой и проезжей грамоте архимандриту Никольского Шартомского монастыря Александру на двор в г. Плесе и деревню Ярцево в Плесе обельное постановление сформулировано следующим образом: «также те люди все не тянут к сотцким, ни к дворским с тяглыми людми ни в каков протор, ни в розмет; ни лугу моего не косят, ни коня моего не кормят, некоторые дела им не надобе»⁸⁹. Вместо «пошлин» здесь указаны «дела», особое внимание обращено на освобождение людей грамотчика от заготовки сена и кормления великокняжеских коней, но наибольший интерес вызывает упоминание тяглых людей. Поскольку речь в грамоте идет о городском дворе и деревне вне городских стен, очевидно, что тяглые люди, подчинявшиеся сотским и дворским, жили как в городе, так и в сельской местности.

Редкое конкретное указание в обельном постановлении встречается в тексте жалованной, тарханно-обельной, льготной и несудимой грамоте, выданной 17 марта 1460 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Афанасию на сельцо Быльцино с деревнями в переяславской волости Кистьме, деревню Рождественскую и пустошь Абакумцевскую в Переяславском уезде, данные в монастырь митрополичьим дьяком Андреем Ярлыком: «ни къ сотцким, ни къ дворьским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы; ни иные некоторые им пошлыны не надобѣ, ни двора волостелева на Кисмѣ не ставят»⁹⁰. Обельное

⁸⁴ АСЭИ. Т. II. № 363. С. 357.

⁸⁵ АСЭИ. Т. I. № 325. С. 234.

⁸⁶ АСЭИ. Т. III. № 97. С. 134.

⁸⁷ Там же. № 71. С. 106.

⁸⁸ АСЭИ. Т. II. № 192. С. 123.

⁸⁹ АСЭИ. Т. III. № 96. С. 133.

⁹⁰ АСЭИ. Т. II. № 359. С. 352.

постановление дополнено здесь элементом *a* («ни во что») и конкретным пояснением о неучастии монастырских людей в строительстве двора кистемского волостеля. Данное обельное постановление было полностью повторено в жалованной грамоте от 30 октября 1463 г. великого князя Ивана Васильевича архимандриту Симонова монастыря Антонию на те же монастырские владения⁹¹.

Конкретное уточнение содержит обельное постановление в датированной 4 мая 1460 г. жалованной льготной и тарханно-обельной грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на село Порецкое во Владимире: «ни к сотским, ни к дворским к володимерским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им некоторые пошлыны не надобе до того урока до трех годов»⁹². На основании этого текста И. В. Самодуров сделал бесспорный вывод, что дворский определен по городу⁹³. Однако структура фразы такова, что под определением «володимерским» могут пониматься не только дворские, но и сотские. Впрочем, для последнего утверждения необходимы дополнительные показания источников.

В датируемой примерно 1465–1469 г. жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте волоцкого князя Бориса Васильевича архимандриту Симонова монастыря Евсевию на села Кортинское, Кусакинское с деревнями и село Богородицкое Васильевское Неверово с деревнями на Волоке Ламском обельное постановление имеет следующую форму: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни порьтного не дают, ни двора не ставят, ни дров не гонят, ни иные некоторые пошлыны им не надобь»⁹⁴. Здесь не упомянуты розметы. Вместо них указаны три натуральные повинности. Возможно, что розметы как раз и предусматривали участие населения в различных работах на князя. Но чтобы допущение превратилось в твердый вывод, нужны подкрепляющие сведения.

В самой поздней из грамот этой разновидности — выданной 16 декабря 1470 г. жалованной льготной, тарханно-обельной, оброчной, несудимой, проезжей и с правом конского пятна грамоте дмитровского князя Юрия Васильевича архимандриту Симонова монастыря Досифею на села Васильевское Татищева, Верзневское с деревнями и деревню Михайловскую в Берендееве в Дмитрове — обельное постановление определяло назначение тарханов: «ни иная некоторая пошлына, ни к соцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, что им дал отець мой князь велики ту дань и со всеми пошлынами к своей церкви святому Василью на полати на поминок своей душе»⁹⁵. Речь, по-видимому, идет о Васильевском приделе в Успенском соборе московского Симонова монастыря, на содержание которого и предназначались передаваемые монастырю дань и пошлыны.

В отдельных грамотах, обельное постановление которых состоит из трех элементов, вместо элемента *b* («некоторыми пошлынами») содержится элемент *a* («ни во что»). Таковы датированная 11 февраля 1462 г. жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на два двора в г. Дмитрове, села Ведерниче, Бунятино, Синковское с деревнями, сельца Кончинское и Марининское Нестеровское в городских станах Дмитрова, села Васильевское Галичское с деревнями, прикупную деревню Аврамовскую, пустошь Буносковскую, село Новое с деревнями, село Бебяковское в Вышгороде и Инобаже, села Путиловское и Петровское с деревнями, деревни Федоровская Зубачева, Власовская, Жолтиково, Кучковская на Вори в Москве: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы и в розметы»⁹⁶; выданная 9 июня 1471 г. жалованная

⁹¹ Там же. № 373. С. 367.

⁹² АФЭ и Х. Ч. I. № 171. С. 158.

⁹³ Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV – начала XVI веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (6). 2001. С. 52. Примеч. 126.

⁹⁴ АСЭИ. Т. II. № 382. С. 381.

⁹⁵ Там же. № 386. С. 387.

⁹⁶ Кашианов С. М. Очерки русской дипломатики. № 18. С. 375.

тарханно-обельная, несудимая, проезжая, с правом конского пятна и оброчная грамота дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию на село Куноки с деревнями и пустошами в Серебожской волости в Дмитрове: «ни к соцким, ни к дворьским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы»⁹⁷; выданная 25 февраля 1473 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая, с правом конского пятна и проезжая грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на села Ведерниче, Бунятино, Синковское с деревнями, Кончининское с деревнями, Озерецкое с деревнями, сельце Михайловское, деревню Пупки в Корзенева, два двора в городе Дмитрове, села Васильевское Галичское с деревнями, прикупную деревню Аврамовскую, пустошь Буносковскую, село Новое с деревнями, село Бебяково в Вышгороде и Инобаже в Дмитрове, села Путиловское и Петровское с деревнями, село Муромцево, деревни Федоровская Зубачева, Власовская, Желтиково, Кучюковская на Вори в Москве: «ни к сотцким, ни к дворьским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы»⁹⁸; датированная 25 апреля 1504 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая, с правом конского пятна и проезжая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Синково, Бунятино, Ведерниче, Мисиново, Маринкино, Кончинино, Озерецкое, Жолтиково, Аврамовское, Бебяково с деревнями в Каменском стане и волости Инобаже в Дмитрове: «ни к сотцким, ни к дворьским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы»⁹⁹.

В очень редких грамотах обельные постановления вместе с сотскими и дворскими упоминают еще и других должностных лиц. Так, в достаточно ранней жалованной тарханно-обельной, несудимой и проезжей грамоте тверского великого князя Бориса Александровича игуменье кашинского Стретенского монастыря Федотии на слободку Иерусалимскую в Кашине и все монастырские владения в Тверском великом княжестве обельное постановление дополнительно упоминает старост: «А дворьским, ни соцким, ни старостам теми людми не наряжати»¹⁰⁰. Нашедший подлинник этой грамоты А. В. Маштафаров датировал ее 1426 г., а содержание грамоты определил как относящееся исключительно к Кашину. Между тем, в грамоте ясно сказано о владениях кашинского Стретенского монастыря: «што оу них земле святого Оустретья в моеи вотчине великом княженее». Речь идет не только о кашинских землях, но вообще обо всех великокняжеских землях Бориса Александровича. Поэтому, кстати говоря, упоминаемые в грамоте наместники и волостели названы без каких-либо географических определений. Сомнительна предлагаемая А. В. Маштафаровым дата выдачи грамоты — 1426 г. Борис Александрович занял тверской великокняжеский стол после смерти своего старшего брата Юрия Александровича, последовавшей 26 ноября 1425 г.¹⁰¹ После вокняжения «за мало днии окова князь Борис князя Василя Кашинского»¹⁰². В Кашине, по-видимому, установилась власть тверского великого князя. Это дает некоторые основания относить грамоту к 1426 г. Но успел ли кашинский Стретенский монастырь, до 1426 г. являвшийся удельнокняжеским, приобрести владения в тверских великокняжеских землях, как о том свидетельствует разбираемая грамота? Представляется более вероятным, что грамота выдана после нападения на Кашин 10 сентября 1452 г. Дмитрия Шемяки, который не только осадил город, но и пожег посады, где и находилась Иерусалимская слободка¹⁰³.

⁹⁷ АСЭИ. Т. I. № 400. С. 292.

⁹⁸ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 29. С. 392. Обельное постановление этой грамоты повторяет обельное постановление упомянутой несколько выше грамоты от 11 февраля 1462 г. Ср. там же. № 18. С. 375.

⁹⁹ АСЭИ. Т. I. № 652. С. 576. Это обельное постановление в свою очередь повторяет обельное постановление грамоты от 9 июня 1471 г. Ср. там же. № 400. С. 292.

¹⁰⁰ *Маштафаров А. В.* Кашинский Стретенский монастырь в документах XV — начала XVII века // РД. Вып. 3. М., 1998. С. 49. № 1.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 488—489.

¹⁰² ПСРЛ. Т. LXII. СПб., 2002. С. 177.

¹⁰³ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь. 1994. С. 311—312.

Скорее всего, льготы Стретенскому монастырю были предоставлены в качестве компенсации за те потери, которые понес монастырь в результате нападения Шемяки. Поэтому датировка этой грамоты в третьем томе «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» – около 1450 г. – кажется более точной¹⁰⁴. Это дает основания полагать, что к середине XV в. институт сотских был распространен в разных районах Тверского княжества.

Староста вместе с сотскими и дворскими упоминается и в другой жалованной грамоте. Речь идет о выданной в феврале 1471 г. жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте великой княгини Марии Ярославны игумену Махрищского монастыря Авраамию на село Негловское в волости Маринина слободка в Переяславле Залесском, в которой обельное постановление изложено следующим образом: «ни къ сотским, ни къ дворским, ни к старостѣ не тянут ни в какие проторы и розметы; также им ни иные никоторые пошлыны не надобѣ»¹⁰⁵.

Наконец, данная между 1445 и 1453 г. жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича архимандриту Симонова монастыря Геронтию на села Весь Егонскую и Кузьмодемьянское с деревнями и пустошами в Бежецком Верхе вместо старост называет становщиков: «ни к сотским, ни къ дворским, ни къ становщиком не тянут ни в какии проторы, ни иныи никоторыи пошлыны им не надобѣ»¹⁰⁶.

Столь же редки жалованные грамоты, в обельных постановлениях которых вместе с сотскими упоминаются не дворские, а другие лица. В частности, датированная 4 декабря 1456 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на село Ивановское с деревнями в волостях Тошне и Лоскоме в Вологде вместо дворских называет старост: «и к сотским, и къ старостам тѣ их люди не тянут ни в проторы, ни в розметы, и ни иныи им никоторые пошлыны не надобе»¹⁰⁷. А в датированной 14 июля 1474 г. жалованной тарханно-обельной, несудимой и проезжей грамоте великого князя Ивана Васильевича митрополиту Геронтию на село Добрячево в Юрьевском уезде вместо дворских фигурируют становщики: «ни к сотским, ни к становщиком не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иныи никоторые им пошлыны не надобе»¹⁰⁸.

Особенно любопытна формулировка обельного постановления в выданной между 1448 и 1462 г. жалованной тарханно-обельной, оброчной и проезжей грамоте великого князя Василия Васильевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на двор в г. Вологде: «к горожаном и к сотьцкым не тянути ни в которые проторы, ни в розметы, и ни в которые пошлыны»¹⁰⁹. Редкое указание на горожан, повинности которых не распространялись на кирилло-белозерских монастырских людей, сопровождается в этой грамоте не менее редким разъяснением сути дела: «Что есми дал грамоту свою горожаном вологжаном и сотьцкым на их двор на манастырской, а велел есми был им тянути к ним их людем манастырским, хто у них в том дворе в манастырском живут людей, в всякие проторы, и в розметы, и в все пошлыны, и яз, князь великий, нынеча игумена Касьяна з братьею пожаловал...»¹¹⁰ и отменил прежние ограничения. Благодаря этому пояснению делается очевидным, что сотские действовали в городе и действовали вместе с горожанами. Однако отдельные указания на горожан и на сотских наводят на мысль, что сотские не входили в одну организацию с горожанами, они представляли интересы особой группы городского населения. С этой точки зрения любопытна характеристика состава городского

¹⁰⁴ АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155.

¹⁰⁵ АСЭИ. Т. I. № 399. С. 291.

¹⁰⁶ АСЭИ. Т. II. № 345. С. 342.

¹⁰⁷ Там же. № 169. С. 106.

¹⁰⁸ АФЭ и Х. Ч. I. № 151. С. 133.

¹⁰⁹ АСЭИ. Т. II. № 103. С. 63.

¹¹⁰ Там же.

населения в одной из кормленых грамот конца XV — начала XVI в.: «дѣти боярские, и слуги, и всѣ люди того города»¹¹¹.

Рассмотренный пример с упоминанием в жалованных грамотах сотских не в обельном постановлении, а в других частях текста грамот является хотя и редким, но не единственным. В древнейшей сохранившейся жалованной грамоте от 1 апреля 1414 г., в которой упоминается сотский без десятского, в обороте об оброке с деревень Троице-Сергиева монастыря сказано, что троицкий игумен (им тогда был Никон) «дает с того села и з деревень оброка сотнику на Юрьевъ день на вешний три четверти, а на Юрьевъ день на осенний три четверти»¹¹². Три четверти — это три четверти рубля¹¹³. Вся выплата составляла, таким образом, $1\frac{1}{2}$ рубля в год. Как уже отмечалось, эта сумма шла сотнику, выступавшему или как сборщик княжеского налога, или как получатель такого налога¹¹⁴. Возможное двойное толкование приведенного текста грамоты заставляет внимательнее рассмотреть оба варианта, чтобы остановиться лишь на одном из них.

То, что сотские собирали в сельских станах корм для наместников или пермских князьков, их тиунов и доводчиков, известно¹¹⁵. Такие действия сотских обозначались глаголами «берут... платят» или «берут... дают»¹¹⁶. В тексте грамоты 1414 г. такие глаголы отсутствуют. В источниках также нет указаний на то, чтобы сотским кто-то давал корм или оброчные деньги для передачи другому лицу. Нет сведений и о том, чтобы сотские собирали оброки. Оброки взимались при участии казначеев¹¹⁷ или дворецких¹¹⁸. Как правило, оброки вносились один раз в год, а не два, как указано в грамоте 1414 г.¹¹⁹ Таким образом, толковать цитату из грамоты 1414 г. в первом смысле нельзя. В сотском нельзя видеть сборщика следуемого князю оброка.

С другой стороны, источники свидетельствуют, что мелким должностным лицам оброки выплачивались. Существовало даже такое понятие, как праведчиков оброк¹²⁰. Любопытно свидетельство об оброке одной митрополичьей грамоты: «А дает тот поп в мою казну оброком, с году на год, на Рождество Христово, четверть; а десятинику моему за все его десятинични пошлыны, и за кормы, и за осенней проезд, и за явленную куницу дает ему тот же поп на тот же срок, на Рождество Христово, пять алтын, то ему на весь год»¹²¹. Пять алтын — это тоже оброк, аккумулировавший различные расходы, которые должен был нести священник при приеме десятичника. Очевидно, что сотский также мог получать за свою деятельность оброчные деньги. Вознаграждение сотскому, указанное в грамоте 1414 г., вполне согласуется с другим свидетельством о получении сотским пошлыны. По Уставной грамоте 1397 г. Двинской земли, сотскому вместе с подвойским следовала «пошлинка с лодьи по пузу ржи у гостя»¹²². Получение сотским денежного и натурального кормов характеризуют его как представителя княжеской администрации, а не как выборного главу крестьянской общины.

Характерно и то окружение, в каком предстает дворский в обельных постановлениях жалованных грамот. Из 65 грамот подавляющее большинство — 59 грамот — вместе с сотскими называют дворских. Из этих 59 грамот в 4 вместе с сотскими и дворскими называются еще становщики, еще в 4 дополнительно к сотским и дворским указываются старосты, в двух случаях

¹¹¹ АСЭИ. Т. III. № 184. С. 198.

¹¹² АСЭИ. Т. I. № 29. С. 40.

¹¹³ Там же. № 472. С. 358.

¹¹⁴ Кучкин В. А. К генеалогии сотских Северо-Восточной Руси XV — начала XVI вв. С. 113.

¹¹⁵ АСЭИ. Т. III. № 22. С. 38; № 291а. С. 311.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ АСЭИ. Т. I. № 345. С. 252; Т. II. № 182. С. 115.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 541. С. 421.

¹¹⁹ Два срока указаны в двух грамотах: АСЭИ. Т. I. № 345. С. 252; Т. II. № 448. С. 489.

¹²⁰ АСЭИ. Т. III. № 115. С. 151.

¹²¹ Там же. № 246. С. 265.

¹²² Там же. № 7. С. 22.

с определением «волостной», в 1 грамоте дополнительно назван пятидесятник. Только в 3 грамотах сотский назван один, без указаний на других лиц. В 1 грамоте сотский назван вместе со становщиком, в 1 — вместе со старостой, в 1 — вместе с горожанами. Таким образом, в проанализированных грамотах сотские предстают, за единственным исключением, которое касается горожан (а отнюдь не сельчан), в окружении только должностных лиц.

4 жалованные грамоты, как было сказано выше, упоминают сотских не в обельных постановлениях, а в других своих разделах. В частности, в данной около 30–40-х г. XV в. жалованной купчей грамоте тверского великого князя Бориса Александровича на проданную им Ивану Затыке пустошь Лукшино (в Иворовской волости Старицкого уезда) специально оговаривалось: «А у грамоты был судцкой Олфер»¹²³. Точно такое же указание на сотского содержится в несколько более поздней (около 1450 г.) другой жалованной купчей грамоте того же тверского великого князя Бориса Александровича на проданную им Захарию Карабузину землю Клобуковскую (в Чудском стане Кашинского уезда): «А у грамоты был соцкой Митус»¹²⁴. Очевидно, такие упоминания сотских в Тверском княжестве отразили определенную норму. Она заключалась в том, что при продаже земель, принадлежавших великому князю, обязан был присутствовать сотский. Скорее всего, он выступал в качестве представителя великокняжеской власти в том районе, где производилась продажа земли. Видимо, именно он должен был практически вводить нового владельца в обладание приобретенной землей, фиксировать, что отошло от владений князя и что осталось. Во всяком случае, присутствие сотских при оформлении великокняжеских жалованных купчих грамот свидетельствует о связи сотских с великокняжескими владениями, причем эти владения в разных частях Тверского княжества находились под контролем разных сотских. Таким образом, находит дополнительное подтверждение высказанная при анализе жалованной грамоты тверского великого князя Бориса Александровича кашинскому Стретенскому монастырю мысль о распространенности института сотских в Тверском княжестве.

Жалованная льготная грамота, данная в 1497/1498 г. по слову великого князя Василия Ивановича Константином Симанским (гороховским волостелем?) Гавриилу, Кондратию и Степану Семеновым (Сенькиным) детям Кухмырева на дубраву на р. Мортке, луг Болонья и деревнище у дубравы и на льготу в 10 лет «не тянути им с хрестияны с волостными», содержит ссылку на совет с сотским и соседями льготников: «поговоря есми со Фролком с сотским, да с суседы с волостными з гороховскими (названы 4 человека. — В. К.)»¹²⁵.

Наконец, сотские, точнее, сотники, упоминаются в датируемой 1484/85 г. жалованной (подтвердительной) грамоте Ивана III жителям Перми Вычегодской на их отчинные владения реками, озерами и угодьями. В начале грамоты сообщается: «Били мне челом, князю великому Ивану, волостные люди пермяки Перми Вычегодские земли и месты вычегжане, удорены, сысолены сотники Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов да Сенка Микитин»¹²⁶. Похоже, что сотники стояли во главе различных территориальных объединений пермяков: вычегжан, удорян и сысолен. Однако сколько было сотников в каждом из таких объединений, сказать трудно. Грамота не дает на это четкого ответа. В конце грамоты содержатся сведения о функциях пермских сотников и о процедуре занятия этой должности: «А кормы княжи и тивунови и довотчиковы поборы берут в станех сотники волостные да дают им, а самим по тому не входити и [не] засылати. Сотников волостных князи вымские не переменяют сами, а тивунов и довотчиков до году не переменяют»¹²⁷. Едва ли сотники в Перми в XV в. имели

¹²³ АСЭИ. Т. I. № 157. С. 116.

¹²⁴ АСЭИ. Т. III. № 142. С. 166.

¹²⁵ АСЭИ. Т. II. № 489. С. 529.

¹²⁶ АСЭИ. Т. III. № 291а. С. 308.

¹²⁷ Там же. С. 311.

тот же статус, что и сотники-сотские в княжествах Северо-Восточной Руси¹²⁸. Но два момента кажутся интересными. По свидетельствам жалованной грамоты жителям Перми Вычегодской выясняется, что сотники стояли выше давно известных в русских землях тиунов и доводчиков, а занятие должности сотского зависело не от крестьян-выборщиков, а от верховной власти, причем в Перми — не местной в лице вымских князей, а власти центральной, общерусской.

Теперь, рассмотрев все упоминания сотских в известных к настоящему времени жалованных грамотах, можно подвести некоторые итоги. Сохранившиеся от 10-х г. XV до начала XVI в. 69 жалованных грамот свидетельствуют о существовании сотских в разных княжествах, землях и центрах Северо-Восточной Руси. Сотские фиксируются в таких городах, как Вологда, Дмитров, Кострома, Переяславль Залесский, Плесо. Их деятельность распространялась и на сельскую местность, затрагивая территории Бежецкого Верха (Весь Егонская на севере Бежецкой земли), Вереи, Владимира (видимо, городской стан, поскольку село стояло «за Нерлью»), Вологды (волости Бохтюга, Заозерье, Лоскома, Масленская, Сяма, Тошна), Волока Ламского, Вязьмы (Волоцкий и Красносельский станы), Галича (Соль Галичская), Дмитрова (волости Берендеева, Вышгород, Инобж, Серебож, стан Каменский), Звенигорода, Кашина, Коломны, Костромы (волости Березовец, Емсна, Сорохта), Москвы (волости Воря, Корзенев, Радонеж, Сурожики), Переяславля Залесского (городской стан, Аргуновская волость, Верхдубенский стан, земли по р. Киржач — позднейший Борисоглебский стан, Кинела, Кистьма, Соль Переяславская, Маринина слобода), Перми, Плеса (волости Дор, Матенская), Ростова (Локсомерь, Рождественский стан), Суздаля (городской стан, Деминская волость), Твери, Углича (с. Удинское-Прилуцкое почти на границе с Тверским княжеством), Юрьева Польского, всего 21 административно-территориальной единицы.

В перечисленном списке нет городов Владимира, Кашина, Москвы, сельских территорий Боровска, Вольской волости, Гороховца, Каширы, Можайска, Муром, Ржевы, Романова, Рузы, Торжка, Юхоти, Ярополча и Ярославля, в которых упоминаются десятские. Однако следует иметь в виду, что в жалованных грамотах на села, деревни, починки и пустоши в Боровске¹²⁹, Вольской волости¹³⁰, Гороховце¹³¹, Кашире¹³², Можайске¹³³, Муроме¹³⁴, Ржеве¹³⁵, Романове¹³⁶, Рузе¹³⁷, Торжке¹³⁸, Ярополче¹³⁹ и Ярославле¹⁴⁰ десятские упоминаются вместе с сотскими, и, таким образом, территория, где действовали сотские, должна быть увеличена еще на 12 административно-территориальных единиц. В жалованных грамотах, упоминающих сотских без десятских, названы такие города, как Кострома, Переяславль Залесский, Плесо, сельские территории Вереи, Вязьмы, Галича, Плеса, Ростова, где десятские и сотские ранее жалованными тарханно-обельными грамотами не фиксировались¹⁴¹.

На эти территории выдавали грамоты полтора десятка князей и княгинь: великий князь Василий Васильевич Темный — 32 грамоты, его старший сын и соправитель, а затем самостоятельный

¹²⁸ В XIV в. пермяки управлялись собственными сотниками, как о том свидетельствует написанное Епифанием Премудрым Житие Стефана Пермского. См., например, Житие Стефана Пермского. Сыктывкар. 1993. С. 145-146. Пермские сотники XV в. могли сохранить некоторые функции местных сотников XIV в.

¹²⁹ *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // РД. Вып. 2. М., 1997. № 1. С. 28.

¹³⁰ АСЭИ. Т. I. № 341. С. 249.

¹³¹ *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатии. № 32. С. 398.

¹³² АСЭИ. Т. I. № 618. С. 530.

¹³³ Там же. № 567. С. 445.

¹³⁴ АСЭИ. Т. III. № 109. С. 146.

¹³⁵ АСЭИ. Т. II. № 360. С. 353.

¹³⁶ АСЭИ. Т. III. № 203. С. 213–214.

¹³⁷ Там же. № 53а. С. 80.

¹³⁸ АСЭИ. Т. I. № 517. С. 391.

¹³⁹ *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатии. № 32. С. 398.

¹⁴⁰ АСЭ. Т. I. № 312. С. 302.

¹⁴¹ *Кучкин В. А.* Десятские средневековой Руси. С. 191.

великий князь Иван Васильевич (Иван III) – 13, другой сын Василия Васильевича Темного дмитровский князь Юрий Васильевич – 6, великий князь тверской Борис Александрович – 3, вдова Василия Васильевича Темного великая княгиня Мария Ярославна – 3, вдова великого князя Василия Дмитриевича великая княгиня Софья Витовтовна – 2, младший сын Василия Васильевича Темного вологодский князь Андрей Васильевич Меньшой – 2, сын Дмитрия Донского князь звенигородский и галичский Юрий Дмитриевич в бытность свою великим князем выдал 1 жалованную грамоту, сын Владимира Серпуховского князь угличский и радонежский Андрей Владимирович – 1, князь угличский и галичский Дмитрий Юрьевич Шемяка – 1, брат Ивана III волоцкий князь Борис Васильевич – 1, князь серпуховский и боровский Василий Ярославич – 1, старший сын Ивана III, его соправитель великий князь Иван Иванович Молодой – 1, сын Ивана III, его соправитель и будущий самостоятельный великий князь Василий Иванович – 1, сын Ивана III дмитровский князь Юрий Иванович – 1. Любопытно отметить, что и жалованные грамоты с упоминанием десятских были выданы 15 правителями, хотя их состав несколько отличался от приведенного¹⁴².

Несмотря на то, что жалованные грамоты, за четырьмя исключениями, не называют сотских по именам, что могло бы позволить конкретнее представить этих лиц, их возможные родственные и общественные связи, показания рассмотренных источников в определенных отношениях ничем не заменимы. В первую очередь это касается времени и мест распространения самого института сотских. Неоценимое значение имеют и уникальные свидетельства некоторых жалованных тарханно-обельных грамот. Из них выясняется, что сотские действовали в городах и сельской местности, имея отношение к черным людям, они организовывали работы на князя и на княжество (строительство дворов для управителей-волостелей, заготовление дров, сена для княжеских конских стад, кормление коней, строительство ямских станций, предоставление подвод и т. п.), следили за сделками по продаже княжеской земли, действовали с другими мелкими должностными лицами княжеской администрации, а за свои труды получали корм с населения. В этом отношении они напоминали княжеских кормленщиков – наместников и волостелей с их тиунами, праведчиками и доводчиками.

¹⁴² Там же. С. 189–190.